

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

9(05)
К 78

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕЖСОЮЗНЫЙ ФОНД БИБЛИОТЕКА	
ПРОЦЕНКА	ОЦЕНКА 30

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЯТЫЙ

1924

+

БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ Музея В. И. ЛЕНИНА № 36819

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Дом Плеханова

№ 92-1120/38

Из записной книжки архивиста.

Г. В. Плеханов и «шпионские забавы».

В IV томе «Сочинений» Г. В. Плеханова, на стр. 325—326, перепечатана из женевского «Социал-Демократа» (1892, кн. 4, стр. 137—138) небольшая заметка Плеханова под заглавием: «Шпионские забавы». Как явствует из текста этой заметки, напечатанной в самом конце книжки «Социал-Демократа», «шпионы» тем позабавились, что выпустили прокламацию, «уснашенную крепкими словами по адресу многих русских эмигрантов и приглашающую «очнуться» русскую молодежь». Сделали они это ко времени приезда Плеханова в Париж, в конце января 1892 г., где он должен был читать доклад, а под прокламацией поставили подпись самого Плеханова, при чем, по свидетельству потерпевшего, подпись была подделана «очень хороша» (подчеркнуто Плехановым). Плеханов не ошибся в установке происхождения этого документа, хотя, впрочем, и трудно было ошибиться—такой случай в жизни эмиграции не был первым и не был последним. Творцом дела и автором прокламации был, действительно, не кто иной, как П. И. Рачковский, и со слов его самого мы имеем возможность уяснить себе цель и метод его воздействий, а из приложений к его докладу извлечь текст «подписной» прокламации.

В данном случае Рачковский ставил себе целью внести разложение в то настроение, которым были охвачены эмигрантские круги в связи с постигшим Россию голодом. Именно, в Париже образовалось общество «Борьбы

с голодом», и оно-то и выпустило воззвание, столь возбуждительно подействовавшее на Рачковского. В гектографированном листке за подписью Комитета общества доказывалось, что «остановить или хотя бы ослабить его (т.-е. народа) быстрое разорение и вымирание возможно, лишь уничтожив гнетущий его абсолютизм и бюрократический произвол, и что поэтому русскому народу, прежде всего, необходимо, пользуясь теперешним критическим моментом, громко потребовать созыва Земского собора». «Ввиду этого,—заканчивалось воззвание,—русские социал-демократы в Париже основали общество борьбы с голодом и обращаются ко всем сочувствующим вышенамеченной цели лицам с просьбою оказать содействие материальными и всевозможными другими средствами для издания прокламаций, брошюр и т. д., вообще для распространения устным и печатным словом среди русского населения истинных понятий о причинах теперешнего голода в частности и его векового голода вообще»¹⁾.

Движение перекинулось в Цюрих и в Лондон. В Цюрихе образовался Цюрихский комитет о-ва и выпустил

¹⁾ Подлинник находится в деле Петербургского историко-революционного архива. Архив департамента полиции, III дел. № 1 т. I. По переписке с заведующим парижской и лондонской агентурой, вход. № 25. На воззвании помечено, что кассиром о-ва состоит В. И. Засулич, а за сведениями следует обращаться к Григорьеву (Говорухину).

аналогичное воззвание (приписывая, впрочем, инициативу дела «социалистам-революционерам») ¹⁾, а в Лондоне энергично при посредстве английской прессы действовал Кравчинский.

Мы можем теперь предоставить слово самому Рачковскому, который в своем докладе от 17/29 января, согласно обычной своей манере, охарактеризовал только что намеченное положение дел, вслед за тем мотивирует свои собственные контр-действия: «... я считал необходимым не только воспрепятствовать сбору пожертвований, но и поселить деморализацию в различных отделах союза с тем, чтобы при возникших пререканиях все дело его распалось и поставленные задачи не могли осуществиться. С этой целью, помимо представляемого при сем «вынужденного заявления», составленного будто бы Плехановым и разосланного студентам в Париже и Женеве, мною будет предпринята в местных газетах агитация, с помощью которой огласились бы скрытные замыслы революционеров, и общественное мнение было бы восстановлено против их шантажных проделок под видом помощи «голодающим»²⁾. Если оставить в стороне истолкование стилистики Рачковского, то происхождение и цель интересующего нас документа окажутся в достаточной степени выясненными.

Само воззвание отгектографировано на развернутом листе на двух страницах, размер текста (на 1-ой странице) 21½ × 18 сантиметров. Оно гласит:

Вынужденное заявление.

Старинные плутни, которые довели народовольцев до позорного и заслуженного ими конца, теперь снова возобновились. Им показалось мало воровать у меня политические идеи для прикрытия своего невежества и выдавать их за свои: им понадобилось впутать моих близких друзей в свои грязные, уголовные затеи и обвинить их в

шпионстве ¹⁾. Мало того. Они выпустили на-днях, как будто от нас, бессмысленный гектограф, в котором цинически объявляется об основании в Париже какого то «общества де-нежных вымогательств». Это милое «общество» организовано с явной целью очернить нашу группу и сбить с толку учащуюся молодежь, которую они ловят, как пауки, в свою паутину ради корыстных побуждений, а имя России и Земский собор они употребляют только, как блестящую приманку для этой возмутительной ловли. Для предупреждения новых подвохов и козней подлых душ, чувствующих себя совершенно как дома среди всяческих низостей, я считал необходимым заявить, что ответственность за глупую провокацию должна пасть на действительных ее авторов, и что подписанные под нею имена не имеют ничего общего с веселой шайкой молодцов, среди которых не знаешь—где кончается революционер и начинается шпион... Жаль, что здесь не место выводить на свежую воду омерзительные проделки, которыми ознаменовали себя разные Кравчинские, Федоровы, Волховские, Войнички, Мендельсоны и остальные подонки русской интеллигенции. Такое право мы оставляем за собой до другого раза, а то, что мы расскажем, послужит для поучения, предостережения и увеселения молодежи. Даже полиция, и та перестала возводить их на политический пьедестал: до такой степени бьет в глаза их мелкая и крупная уголовщина.

Я, лично, признаю для себя невозможным жить и работать в этой атмосфере кружковой зависти, шарлатанства и шпионских провокаций. Простое чувство порядочности вынуждает меня сойти со сцены и очистить место... для кого? Лучше не договаривать! После многих лет беспрерывной лжи, сделок с совестью и всего, что, с позволения

¹⁾ Копия цюрихского воззвания в том же деле, вход. № 29.

²⁾ Доклад Рачковского от 17/29 января 1892 г. за № 8, там же, вход. № 25.

¹⁾ Селитренный и Ел. Лурье, которых народовольцы обвиняли в доставлении Рачковскому сведений о намерении их покончить с ним (по примечанию Рачковского).

сказать, выдается у нас с таким упорным меднолобием за революционное движение, мне открылась новая дорога для настоящей, легальной деятельности.

Мое открытое презрение—продажным спекулянтам, промышляющим политикой для поддержания своего гнусного существования, и мой привет—учащейся молодежи! Очнись, русская молодежь, и вырази свое правдивое негодование темным, преступным проходимцам, которые думают, как вампиры, разрушить твою будущность и вести тебя не только на бесполезную, но и на позорную гибель перед лицом всего света!

Г. Плеханов.

Январь 92.

Доклад Плеханова состоялся 6 февраля¹⁾, и ему уже пришлось считаться с фактом распространения подложной прокламации. Рачковский сообщил департаменту об этом докладе с тем самодовольством, отказать от которого он никогда не мог без видимого нарушения своего агентурного престижа:

«Вечеринка голодающих» не удовлетворила ни устроителей ее, ни самого Плеханова, к приезду которого в Париж и было приурочено наше воззвание. Речь Плеханова, пытавшегося «восстановить истину» за счет народовольцев, вызвала со стороны этих последних насмешки и подозрение. Учащаяся молодежь на вечере почти отсутствовала, наибольший контингент публики состоял из эмигрантов. Плеханов, обманутый в своих надеждах и захлебываясь от волнения, доказывал, что он не поддастся полицейскому соблазну и в этом случае

¹⁾ На собрании были разосланы ниже следующие гектографированные приглашения:
М. Г.

Комитет общества «Борьбы с голодом» честь имеет просить вас присутствовать на вечере, имеющем быть в субботу 6-го февраля 1892 г. в salle «au Charapon Rouge», 13, rue de Planets, 13.

Ordre du jour: речь Г. В. Плеханова.

По окончании речи — товарищеская вечеринка.

Начало в 8 ч. вечера.

Цена за вход 35 сантим.

не последует за Тихомировым. «Между мною и разочаровавшимся Тихомировым,—хвастнул Плеханов,—громкая разница—Тихомиров стремился к достижению быстрых, немедленных результатов и, потерпевши неудачу, бросился в объятия полицейских; я верю в процесс общественного движения по закону с а м о д е й с т в у ю щ е й эволюции, а посему и, в качестве убежденного революционера, жду хладнокровно социальной революции, которая в России неизбежна».

Такое безумие не нуждается в критике—решили молодые народовольцы и оставили залу».

Трудно сказать, имело ли в действительности какое-либо влияние на молодежь воззвание Рачковского. Менее чем кому-либо можно верить в данном случае Рачковскому, который в каждом своем действии видел непоправимый для революционеров удар. В своем докладе от 29 января (10 февраля) он сообщал об удручающем впечатлении, произведенном на учащуюся молодежь, вплоть до того, что некоторые «даже покинули студенческое общество, предпочитая не заниматься политикой, чтобы не компрометировать себя сношениями с эмигрантами»; что же касается эмиграции, то «все, взятые вместе, революционеры пришли к тому заключению, что они окружены шпионами и что дальнейшая деятельность их при наличных условиях немислима»¹⁾.

На-ряду с этой официальной историей «шпионское» заявление имело и свою небольшую литературную историю, о которой бегло рассказывает Кравчинский. Его заметка написана по просьбе самого Плеханова и почти вслед за получением «заявления», которое, по словам Кравчинского, было получено «всеми русскими эмигрантами, адреса которых более или менее известны». Но цель заметки—довести о факте «проделки» «до всеобщего сведения», «тем более, что такая мистификация может случиться с другими революционерами». Отсюда же мы узнаем, что еще до того сам Плеханов «напеча-

¹⁾ Там же, вх. д. № 35.

тал во французских газетах протест против такого мошеннического злоупотребления его именем»¹⁾). Если закончить указанием на тот третий литературный отклик, которым мы начали наше сообщение, то, действительно, можно говорить о некотором эффекте затей Рачковского.

Сообщил *С. Валк.*

Казнь Шмидта, Частника и др.

О казни лейтенанта Шмидта, Частника, Gladkova и Антоненко появилось довольно много сообщений как в периодической печати (в 1906 г.), так и в специальных изданиях, посвященных Севастопольскому восстанию 15 ноября 1905 года²⁾). За последнее время, в связи с известным севастопольским процессом обвинявшегося в расстреле Шмидта Ставраки, в газетах появились новые материалы, посвященные этой трагедии. Несмотря на это, мы считаем не лишним опубликовать два письма, относящиеся к этому событию.

Авторы писем—матросы, товарищи Частника, Gladkova и др., осужденные на каторгу и находившиеся на «Пруте» вместе с приговоренными к расстрелу. Эти письма написаны под свежим впечатлением расправы над Шмидтом и потому заслуживают особого внимания. Под одним из этих писем имеется дата—8 марта, а казнь была совершена 6 марта. Естественно, что в этих письмах мы находим такие характерные подробности последних часов жизни Шмидта и его товарищей, которые изгладилась из памяти сви-

детелей в процессе Ставраки, вынужденных давать свои показания об этом событии через 18 лет.

Публикуемые нами письма были посланы матросами одному из адвокатов, С. А. Балавинскому, несомненно, с целью широко осветить подробности трагедии на острове Березани.

Письма по назначению дошли, но, очевидно, по цензурным условиям того времени опубликованы не были. И только теперь, когда эти письма оказались в числе архивных материалов, поступивших в Государственный Архив РСФСР, они могут увидеть свет.

Ред.

I.

Милостивый Государь Сергей Александрович! Шлем Вам горячий привет и желаем Вам всего лучшего в этом мире. О себе писать будем после, когда нас переведут с «Прута». Теперь же мы Вам опишем последние дни Частника, Антоненко и Gladkova. 5-го марта пришел из Севастополя «Терец» и привез отказ на нашу кассацию. Бумага была прочитана сначала Шмидту, а потом Частнику, Антоненко и Gladkovу. Выслушав приказ о приведении приговора в исполнение, они попросили, чтобы Чухнину передали благодарность за приговор. Вечером пришел священник. Он был сначала у Шмидта, который исповедывался и причащался, а затем пришел к Частнику, Gladkovу и Антоненко, но они отказались от исповеди и сказали, что каяться им не в чем. Частник сказал ему речь, которую, к сожалению, мы слышали урывками и в точности передать Вам не можем. Общее содержание речи следующее: Частник сказал священнику: «Вы, батюшка, убеждаете нас раскаяться в тяжком грехе, так как подняли руку на начальство и тем их убили в нравственном отношении; Вы, батюшка, следовательно, тоже убийца, потому что благословляете нижних чинов на убийство. Поэтому мы не желаем ваших наставлений». В 7-м часу утра 6-го марта их начали перевозить на баржу. Мы просили, чтобы нам разрешили проситься со Шмидтом, Частником, Gladkovым,

¹⁾ С. Степняк. *Заграничная агитация*, Лондон, 1892, изд. Фонда Вольной Русской прессы, стр. 43.—Первый протест Плеханова до сих пор не разыскан; по крайней мере, он не включен в составленный В. Вагяном «Опыт библиографии Г. В. Плеханова» (М. 1923).

²⁾ См. «Жизнь лейтенанта Шмидта». С.-Петербург 1906 г. 81—85 стр.; «Лейтенант П. П. Шмидт»—Воспоминания сестры. Петроград, 1923 г. 138—140 стр.; «Лейтенант Шмидт»—Письма, воспоминания; изд. Централрхива 1922 г. IX—X стр.